
Дисформативная идентичность*

© 2020 г. В.А. Емелин^{1**}, А.Ш. Тхостов^{2***}

^{1, 2} *Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, 119991, Ленинские горы, д. 1.*

^{**} *E-mail: emelin@mail.ru,
<http://istina.msu.ru/profile/emelin/>, <http://www.psy.msu.ru/people/emelin.html>*

^{***} *E-mail: tkhostov@gmail.com,
<http://istina.msu.ru/profile/Tkhostov/>, <http://www.psy.msu.ru/people/thostov.html>*

Поступила 31.10.2019

В статье вводится и обосновывается новое для наук о человеке понятие – «дисформативная идентичность». Обсуждается этиология, механизм зарождения и развития дисфункциональных форм идентификации личности. Наиболее очевидное свойство дисформативной идентификации состоит в том, что она реализуется не деятельностным путем, а на уровне отдельных действий или даже простых операций. При этом во всех своих вариантах – это действия, значение которых разными способами реализует не связанный с ними напрямую смысл защиты от страха, аномии, а сложный мотив деятельности превращается в не всегда связанную цепь целей в структуре удовлетворения уже не сложных, а архаических потребностей. Их отличительными чертами являются деградация сложной деятельности до упрощенных действий или операций, мгновенность и простота реализации, тенденция к утрате личной ответственности, иллюзия легкого и убедительного нахождения своего устойчивого места в символическом хронотопе. Принципиальным является возникновение дисформативных форм идентификации не только в виде «невинных» диффузных и размытых форм самоидентификации, но и в виде «гиперидентичности» – нетерпимых, ригидных и агрессивных проявлений: радикализма, фундаментализма, экстремизма и терроризма. Дисформативная идентичность представляет собой не просто дефицитарный вариант нормальной идентичности, а сложное адаптивное образование, реализующееся через построение компенсаторных форм идентификации. Выделяются и описываются модусы дисформативной идентичности. Обобщая сложность и многовариантность последствий культурно-исторической трансформации постмодерного мира, авторы делают вывод, что отличительной чертой этого мира является деградация сложных моделей идентификации, доходящая до дисфункциональных агрессивных и патологических форм.

Ключевые слова: идентичность, дисформативные формы идентификации, постмодернизм, радикализм, плюрализм, толерантность, аномия, равенство и равноправие.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–4–80–91

Цитирование: *Емелин В.А., Тхостов А.Ш.* Дисформативная идентичность // Вопросы философии. 2020. № 4. С. 80–91.

* Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 18–013–01222а «Когнитивно-личностные факторы радикалистских установок и форм поведения».

A Disformative Identity*

© 2020 Vadim A. Emelin^{1*}, Alexander Sh. Tkhostov^{2***}

^{1,2} Lomonosov Moscow State University,
1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation.

** E-mail: emelin@mail.ru,
<http://istina.msu.ru/profile/emelin/>, <http://www.psy.msu.ru/people/emelin.html>

*** E-mail: tkhostov@gmail.com,
<http://istina.msu.ru/profile/Tkhostov/>, <http://www.psy.msu.ru/people/thostov.html>

Received 31.10.2019

The present article introduces and substantiates the notion of a “disformative identity” which is new for sciences of man. It discusses the etiology, the mechanism of origin and the development of the dysfunctional forms of identity. The most obvious feature of the disformative identification is that it is realized not within the holistic motivation but at the level of particular actions or even simple acts. Moreover, in all its alternatives, these are acts the meaning of which, by different means, realizes the significance of protection from fear and anomie that is not related to them directly. And a complex motivation of activity turns into a (not always coherent) chain of target within the structure of the satisfaction of not complex but archaic needs. Their distinctive features are following: the reduction of a multivalued motivation to simplified actions or operations, the instantaneity and simplicity of performance, the tendency to lose one’s personal responsibility, and the illusion of an easy and convincing determination of one’s own stable position in the symbolic chronotope. It is principal that the emergence of the disformative forms of identification represents not only “innocent” diffuse and blurred forms of self-identification but also “hyperidentity”. The latter is intolerant, rigid and aggressive displays/manifestations: radicalism, fundamentalism, extremism and terrorism. The disformative identity is not a simple deficient version of the normal identity but a sophisticated adaptive structure embodied through the building of compensatory forms of identification. Types of the disformative identity are distinguished and described. Generalising the complexity and multi-variability of the consequences of the cultural-historical transformation of the postmodern world, the authors make the conclusion that the distinctive feature of that world is the degradation of complicated identification models that reaches dysfunctional aggressive and pathological forms.

Keywords: identity, disformative forms of identification, postmodernism, radicalism, pluralism, tolerance, anomie, equality and equal rights.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–4-80-91

Citation: Emelin, Vadim A., Tkhostov, Alexander Sh. (2020) ‘A Disformative Identity’, *Voprosy Filosofii*, Vol. (2020), pp. 80–91.

* The article is supported by the Russian Foundation for Basic Research No. 18–013–01222a “Cognitive-personal factors of radicalist settings and behavioural forms”.

Когда общество в моральном отношении лишено всякой опоры, состояние неуверенности, в котором оно находится, внушает ему некоторую снисходительность к безнравственным поступкам.

Эмиль Дюркгейм

Человек должен иметь возможность отнести себя к какой-то системе, которая бы направляла его жизнь и придавала ей смысл; в противном случае его переполняют сомнения, которые в конечном счете парализуют его способности действовать, а значит, и жить.

Эрих Фромм

Любые масштабные изменения в обществе связаны с трансформациями, которые небезразличны для человека как психологического субъекта. К части из них человек довольно легко адаптируется, некоторые – создают проблемы. Вариации приспособительных возможностей индивидов и культур разного типа по отношению к этим изменениям тоже неоднозначны. Лавинообразный поток как социокультурных, так и технологических трансформаций, охвативший современное общество, оказывает неоднородное влияние на устойчивость, гибкость и адаптивность идентификации, при этом обращает на себя внимание то, что данные изменения могут порождать и различные дисфункциональные варианты, отражающие деградацию как самого процесса, так и конечных результатов идентификации. В дисформативных формах идентификации фиксируется феномен системной утраты границ и дискредитации устойчивых мировоззренческих и поведенческих моделей, доминировавших на протяжении всего предшествующего культурно-исторического развития человечества.

Размывание или искажение традиционных ценностей, присущее плюралистичной постмодерной культуре, снижает эффективность стандартных форм идентификации, поскольку они перестают отвечать наличной ситуации, порождая своеобразный вакуум, заполняемый различными, в том числе и дисформативными, вариантами, играющими защитную роль и компенсирующими нормативные идентификации, оказавшиеся непригодными. При этом компенсаторные формы не всегда оказываются более прогрессивными. Адаптация, как и эволюция, – сложный процесс, порождающий высокую вариативность, дающую разнообразие выбора. Столкновение с новой ситуацией, требующей новых вариантов, оказывается точкой бифуркации без гарантии правильной решения. Дисформативная идентичность в различных ее вариантах от «гиперидентичности» до «размытой» и «скрытой» идентичности, конечно, существовала всегда, но стала одной из нарастающих угрожающих тенденций развития «глобальной деревни» современного мира. Нарастающая мобильность и скорость перемен ставят под вопрос стабильные и традиционные модели идентификации, например, национальные, региональные, культурные, гендерные и пр., поскольку сохранять их в неизбылемости можно только с помощью той или иной формы изоляционизма. Глобализм не является в полном смысле слова свободным выбором, он диктуется целой совокупностью социоэкономических причин, делающих изоляционизм «нарастающим отставанием».

Но, несмотря на практическую неумолимость глобализма в горизонте развития, его реальное воплощение связано с утратой разнообразия, с оттенком безликого универсализма, в котором трудно обрести индивидуальность. Глобализм безусловно хорош как совершенная механизированная технология, где элементы взаимозаменяемы, но психологически не очень удобен для поисков и сохранения своего уникального места. Не только малые народы и нации, но и достаточно большие этносы, имеющие огромный культурный и исторический фундамент вынуждены принимать протекционистские меры для защиты своих традиций в диапазоне от культурного наследия до кулинарии. Тем не менее в Германии уже практически не осталось никого, кроме

филологов, кто читал бы Гёте [Мартов web], а в России знание русской классики у молодого поколения стало вынужденным делом тех, кому грозит написание сочинения в отдельных вузах.

В этой ситуации вакуум должен быть чем-то заполнен. Неустойчивые формы идентификации сопряжены с межличностной тревожностью, низким уровнем субъективного благополучия, утратой понимания своего места в изменчивом хронотопе. С методологической точки зрения это свидетельствует об «опасной» общественной ситуации, плохо рефлекслируемой в традиционных исследованиях психологии идентичности. Опасной ее делают признаки снова охватившей общество «аномии» [Дюркгейм 1994], рост радикализма и поиски разнообразных скреп не только консервативного, но и либерального характера. Общественные настроения колеблются от истеричного авангардизма до не менее истеричной архаизации, сексуальная революция сменяется неопуританством, либерализм – неоварварством.

Очевидное нарастание количественных и качественных деформаций «нормальной» идентификации требует осмысления. Мы специально используем термин «нормативность», хотя в современном научном дискурсе стараются избегать этого понятия, поскольку оно выглядит излишне оценочным. Нам же кажется, что перенесение какого-либо феномена в область «необсуждаемого» затрудняет нормальную дискуссию. Если нечто существует в мире, то оно не исчезнет от того, что мы перестанем об этом говорить или даже закроем глаза и уши. Даже после Освенцима критической философии стоит не умирать, а обратить внимание на зоны деструктивности.

Один из начальных моментов роста дисфункциональности связан именно с умалчением или отрицанием проблемы. Постмодернизм сильно запутал многие проблемы, пытаясь их разрешить. Отрицание существования нормативов или иерархий обернулось для тех, кто в это поверил, утратой ориентиров и точек опоры, пусть и иллюзорных, но помогающих найти стабильность в ускользающем от понимания мире. Нормативность совсем не обязательно интерпретировать как этическую категорию, это скорее некоторая система координат, которая может меняться, но всегда должна существовать.

Как нам кажется, дисформативная идентичность это не просто дефицитарный вариант нормальной идентичности, утрачивающий свою некоторую, возможно, важную часть, а особое, достаточно сложное адаптивное образование, реализующееся через построение компенсаторных форм идентификации, которые могут довольно далеко отклоняться от «нормативных». Их компенсаторный характер следует понимать в том же смысле, в каком с точки зрения общей патологии [Давыдовский 2012] практически любой вариант патологического развития имеет, в принципе, адаптационный характер, дающий в наличной ситуации некоторое преимущество, но в перспективе приводящий к деградации или патологической адаптации. В этом смысле его, конечно, не следует считать буквальной формой патологии, за которую конкретный человек не может нести ответственность. Скорее, это определенный вариант, пусть и не до конца осознаваемого, «выбора» направления развития в сторону упрощения и деградации. Как и во всех подобных случаях, такой выбор имеет свои преимущества легкости и простоты: движение в сторону усложнения и упорядочивания требует постоянных усилий, хаос же не требует ничего. Чем дальше мы отходим от традиционного общества, тем больше вариантов идентификации будет появляться и тем большее количество из них может оказаться дисформативными, хорошо решающими тактические задачи, но значительно хуже – стратегические.

Один из вариантов подобной идентификации описан Э. Фроммом, назвавшим его «бегством от свободы». «Современный человек... охвачен беспокойством и подвержен соблазну отдать свою свободу всевозможным диктаторам – или потерять ее, превратившись в маленький винтик машины: не в свободного человека, а в хорошо накормленный и хорошо одетый автомат» [Фромм 2006, 12]. В его понимании – это особые варианты поведения человека, который отказывается от свободы, поскольку она сопряжена с избыточной ответственностью. В конце Средневековья распадается традиционное общество, и человек оказывается оторванным от привычных и заданных форм идентификации и коммуникации. Оказавшись символически незащищенным, он пытается найти

новые формы безопасности, которые становятся в перспективе более жесткими, чем то, чего он стремится избежать. В принципе, все описанные им варианты: авторитаризм, разрушительность (деструктивность), автоматизирующий конформизм – являются регрессивными вариантами поиска авторитарного отца, *господина*, берущего на себя непеносимую ответственность за полученную свободу, от которой стоит отказаться.

Авторитаризм связан с отказом от независимости и желанием слиться с кем-нибудь или с чем-нибудь внешним, чтобы обрести силу, недостающую самому индивиду. Разрушительность, или деструктивность характеризуется изменением цели, когда активный или пассивный симбиоз заменяется уничтожением, устранением объекта привязанности. Кроме авторитаризма и разрушительности можно попытаться избавиться от одиночества и отчужденности путем абсолютного подчинения социальным нормам, стирая границу между собой и другими.

Э. Фромм точно выделил описанные механизмы регрессивного поведения, но не мог учесть того, что у современного общества появилось огромное количество новых ловушек, в которые попадает индивид, *вытолкнутый* на свободу. Мы специально подчеркиваем этот момент, поскольку свобода – это не всегда выбор человека. У животных тоже существуют достаточно жесткие механизмы сепарации выросшего потомства. Даже если речь идет о сознательном выборе человека, часто оказывается, что плата за него намного больше, чем он предполагал.

Помимо описанной Э. Фроммом избыточно высокой платы за свободу человек открывает для себя большое количество несостоявшихся ожиданий. Общество очень долго создавало множество иллюзий, не оговаривая, что внушаемые им ожидания не столь уж безусловны и разворачиваются скорее в некоторой идеальной перспективе как реперные точки. Но человек часто принимает их за реальные обстоятельства, а сталкиваясь с невозможностью реализовать, интерпретирует в жанре resentmentа как заговор против него.

Прежде всего, современное общество создало множество специфических ловушек, которые про аналогии с *double bind* [Gibney 2006] (двойное послание, *порочный круг*) можно назвать *социальным double bind*. В классическом варианте, разработанном Г. Бейтсоном [Бейтсон 2005], под этим подразумевалась семейная ситуация, в которой субъект получает взаимно противоречивые указания, принадлежащие к разным уровням коммуникации, причем без возможности выйти за рамки этой коммуникации. *Социальный double bind* – это ситуация, в которой субъект получает социально одобряемые и нормируемые послания, оказывающиеся реально неадекватными. Выйти из них непросто, поскольку возникает конфликт между социально поддерживаемыми формами поведения и убеждениями, конформное следование им вызывает у субъекта вариант когнитивного диссонанса или ощущение глобальной лжи.

Классический вариант *социального double bind* – транслируемая уже более двухсот лет идея *равенства*. Поскольку люди в принципе не равны в силу природных и социальных условий, безусловная вера в эту идею постоянно сталкивается с очевидными ситуациями ее нарушения, приводящими к острому ощущению несправедливости. Равенство, понимаемое не как идея, не как *направление*, а как реально действующий неотвратимый закон, – ловушка. Его имплементация – не природный, а символический закон, нуждающийся как любой культурно-исторический феномен в постоянном *бесплодном усилии* [Sartre 1943] для своего достижения, при том, что в реальности он недостижим, как и горизонт.

Общество всеобщего равенства есть в первую очередь утопия, а совсем не конкретное место. Мы должны безусловно к нему стремиться, но как только мы уверуем, что его достигли, жизнь нам сразу укажет на наше заблуждение. Буквальное понимание равенства комическим образом проявляется в современной тенденции «обидчивости», в требованиях принять боди-позитивных людей в балетные труппы, альтернативно одаренных в университеты, а может обернуться классовой борьбой. Несмотря на длительную историю внедрения идеи справедливого распределения, реально имущественное неравенство несколько не уменьшается, а, как показывают современные

экономисты, только увеличивается [Пикетти 2015; Пикетти 2019]. Этот факт вызвал новую волну интереса к наследию К. Маркса, которое не было толком прочитано в СССР, где его портреты вешали как образа в общественных местах, но никогда не издавали полностью. Ф. Фукуяма приводит неприятные для идеи прогрессивно нарастающего экономического равенства данные: «С 2000 по 2016 годы реальные доходы выросли лишь у половины американцев; часть совокупного национального производства, приходившаяся на долю 1% населения США, выросла с 9% от ВВП в 1974 году до 24% в 2008-м» [Фукуяма web].

Вариантом идеи безусловного равенства является идея равенства возможностей или социальных лифтов. В теории все обстоит более или менее разумно. Если мы объективно не можем обеспечить физического равенства, поскольку у нас нет божественных возможностей, то вполне подходящим способом внедрения высшей справедливости может стать предоставление социальных или символических возможностей: да, все рождаются неравными, но могут ими стать в процессе социализации. С этой идеей тоже не все благополучно, поскольку реальность постоянно демонстрирует «стеклянный потолок» [Davies-Netzley 1998]. Термин, изобретенный в феминистских исследованиях, должен был показать явно немаркированные границы карьеры для женщин, но оказался более универсальным понятием, описывающим неявные ограничения для представителей любых социальных страт, сталкивающихся с нигде не объявленными пределами, рождающими идеи всеобщего заговора.

Когда-то в качестве универсального социального лифта рассматривалось образование, которое в соответствии со здравым смыслом могло бы стать универсальным механизмом меритократии. Всеобщее образование, школы рабочей молодежи реально давали возможности многим людям изменить собственную жизненную ситуацию, получить шансы социального продвижения, да и сами по себе были мощнейшим механизмом самоидентификации. Даже армия на определенном этапе задавала стандарты и общекультурные рамки для огромного количества бедных, неграмотных и плохо социализованных молодых людей. Однако идея общедоступности образования столкнулась с имманентным противоречием параллельного снижения качества: массовая культура заведомо уступает по сложности элитарной. Если рассматривать образование как создание специфической иерархии, то даже внутри общедоступного образования можно увидеть различные траектории *выхода*: более способные или имеющие лучший доступ к более качественному образованию получают безусловное преимущество.

Принцип социальной справедливости и внедряемого равенства там, где их было невозможно обеспечить естественным образом из-за исторического неравенства, порождали практики, несмотря на их идеологическую правоту, служившие деградации образования. В этом отношении советское государство намного обогнало современный западный мир, которому бы стоило изучить советский опыт. Именно в советское время были созданы разного рода преференции для рабочих, колхозников, членов партии, квоты для национальных кадров, рабфаки, точно соответствующие современной политике позитивной дискриминации. Идеалистическая установка исправления несправедливости в реальности обернулась новым неравенством. Ситуация перестала быть однозначной, а общедоступность образования привела в конечном итоге к снижению его качества. «Развитые страны движутся к почти всеобщему высшему образованию – качество последнего неизбежно будет невысоким» [Руткевич 2019, 47].

Не меньший ущерб образованию нанесла и вполне разумная идея его разгосударствления как расширения возможностей. «Получая плату за обучающихся студентов, такие “псевдовузы” забывали про качество преподаваемых предметов и уровень преподавателей. Параллельно сокращалось число желающих получить среднее специальное образование... Тем более, что в стране было “модным” быть экономистом или юристом» [Фактор «Снижение уровня образования» web].

Здесь мы сталкиваемся с очень уязвимым моментом плюралистического мировоззрения и доктрины толерантности: как понимать равенство? Если как в рамках постмодернистской идеи, где недопустимы никакие виды иерархии, то непонятно, как

обосновать реальное несходство в сложности, успешности и прочих индивидуальных различиях? Только resentmentом и теорией заговора: у неуспешного человека украли его равные возможности, и нужно восстановить справедливость. Если все культуры, как и любые виды деятельности, равны, то непонятно, почему нужно прилагать столько усилий для «особых» достижений? Если равенство уже достигнуто фактом рождения, зачем еще прилагать дополнительные усилия, которые могут оказаться тщетными и будут травмировать субъекта? Современная гуманистическая педагогика уже артикулировала необходимость отмены оценок в школе в целях минимизации негативных переживаний ребенка и создания для него ситуации успеха. Правда, не до конца понятно, как он научится переживать жизненные неудачи и будет ли в дальнейшем общество столь же терпимо к нему, как его родители и педагоги. Пока общество достаточно толерантно относится только к одному виду очевидного неравенства – в спорте, где оно, видимо, пока не понимает, как его можно исправить. В искусстве неравенство уже начинает размываться.

При последовательной реализации данной точки зрения и общество, и индивид теряют мотивацию достижения, полностью переходя к мотивации избегания неудачи. Воспользуемся метафорой электричества: если у вас нет разности потенциалов, то не может быть тока, правда, если у вас слишком высокая разница потенциалов, может произойти короткое замыкание со всеми вытекающими последствиями и согласно законам диалектики.

Базовое убеждение в объективном существовании равенства может быть осложнено и другим базовым убеждением – в существовании абсолютной справедливости. Будучи смешанными в соответствующих пропорциях, они дают коктейль Молотова, использующийся как инструмент resentmentа. Всегда хорошо чувствующий «злобу дня» Ф. Фукуяма в своей новой книге «Идентичность. Стремление к признанию и политика неприятия» делает похожий тезис ключевым: «Но какими бы важными ни были материальные интересы, люди руководствуются и другими мотивами. И эти мотивы лучше объясняют нынешний хаос. То, с чем мы столкнулись сегодня, можно назвать политикой resentmentа. Известно множество примеров, когда тот или иной политический лидер мобилизовал последователей, эксплуатируя их групповые обиды, чувство унижения или подозрение, что ими пренебрегают или что их недооценивают. Комплекс этих ощущений... требует публичного восстановления поправленного достоинства такой группы. Эмоциональное воздействие, которое способна оказать на общество униженная группа, добивающаяся восстановления чести и достоинства, может быть гораздо сильнее влияния людей, просто преследующих экономическую выгоду» [Фукуяма web].

Идея равенства имеет и обратную сторону. С одной стороны, она дает ощущение справедливости, но с другой – оказывается слишком диффузной для обеспечения устойчивой идентичности, разворачивающейся в недостаточно структурированном символическом хронотопе. Слишком большие общности неудобны для укоренения. Проблема возникает с определением *не-Я* – конституирующего *Другого* – ключевым моментом построения идентичности. Эта проблема отчетливо проявилась в послевоенной Германии, где исторически влиятельная идея личности «немецкой нации», сформулированная еще И.Г. Фихте [Фихте 2009], была дискредитирована. «В Евросоюзе все чувствуют себя, в первую очередь, представителями своего государства, своей нации и лишь во вторую очередь – представителями Европейского союза. В Германии наоборот: немцы прежде всего чувствуют себя представителями ЕС и лишь потом – представителями своей нации. Немцы интеллектуалы не любят говорить о «нации», потому что они боятся, что следующий шаг в этом разговоре – «национализм», а затем и «национал-социализм» <...> Немецкий миф был опасным и деструктивным, и мы не хотим его возрождения. Мы надеялись, что сможем просто «принадлежать к международной семье народов» и забыть о нации. Но оказалось, что это не работает <...> Проблема в том, что концепция нации, от которой отказались либеральные интеллектуалы, была подхвачена и присвоена ультраправыми. Они утверждают, что мы, немцы, не можем жить без позитивного концепта нации. Они стремятся к такой истории нации,

которая основана на чести и гордости» [Коцюбинский web]. И еще один индивидуально-тяжело переносимый психологический момент гомогенного равенства: если я маленький и равный всем иным винтик, то это как-то несправедливо, все должны быть равны, но я ровнее. Как быть с ощущением особости, избранности и уникальности?

Дисформативные варианты идентификации возникают именно в этой опасной точке, пытаясь решить не имеющую решения задачу одновременного достижения свободы, аффилиации, равенства, справедливости, уникальности и всеобщности. Дисформативными они становятся не по самому факту поиска искомого равновесия, но постольку дают ложные решения в попытках достичь недостижимой цели негодными средствами. Э. Фромм, понимая всю неоднозначность и ошибочность введения в межчеловеческие отношения идеи всеобщего равенства, предложил противопоставить ей понятие «равноправности». Исходя из идеи о том, что каждый человек должен иметь свободу для развития своей индивидуальности, равенства и требования равноправия для него полярны по своей сути: «Равноправие предполагает не отрицание различий, а возможность для их более полной реализации. Если мы понимаем под равенством отсутствие различий между людьми, то мы способствуем тенденциям, которые приводят к обнищанию нашей культуры, то есть к “автоматизации” индивидуума и утрате того, что является самым ценным компонентом человеческого существования, расцвета и развития особенностей каждого человека – его индивидуальности» [Фромм 1998, 118].

Самое очевидное свойство дисформативной идентификации состоит в том, что она реализуется не деятельностным путем, а на уровне отдельных действий или даже простых операций. Описанные Э. Фроммом типы «бегства от свободы» можно непротиворечиво переинтерпретировать в категориях деятельностного подхода как варианты универсального механизма. Во всех видах бегства общим является отказ от автономности, свободы волеизъявления, подлинного авторства, подмена истинного мотива деятельности. Подлинным мотивом во всех случаях становятся архаические мотивы самосохранения, аффилиации, безопасности, которые в латентном виде существуют у всех живых существ, но здесь становятся системообразующими. Сложная деятельность трансформируется как минимум в действие, цель которого – «обрести силу, недостающую самому индивиду». Цель авторитаризма – «регрессивный поиск авторитарного отца», избавляющего от принятия решений, берущего на себя ответственность и гарантирующего защиту. Разрушительность (деструктивность) тоже связана с достижением цели – «уничтожение, устранение объекта», представляющего опасность. Автоматизирующий конформизм реализуется через заимствование цели – слияние себя с авторитетом, легитимирующим цель. Но во всех вариантах – это действия, значение которых разными способами реализует не связанный с ними напрямую смысл защиты от страха, аномии, трудностей обретения устойчивого места в символическом хронотопе. Реализуясь по механизму сдвига «целина мотив», сложный мотив деятельности превращается в цель действия в структуре удовлетворения уже не сложных, а архаических потребностей. Этот регрессивный механизм обратен описанному А.Н. Леонтьевым [Леонтьев 1981] механизму «сдвига мотива на цель», порождающему и развивающему новые, более сложные мотивы. Подобная ситуация регрессии от деятельности к действию описывалась в клинической психологии на модели больных, попадающих в сложную экзистенциальную ситуацию, в которой их сложная мотивация упрощается, начиная обслуживать актуализирующийся мотив сохранения жизни [Тхостов 2002]. Представляется, что это не простое случайное сходство, а реализация универсальных механизмов реакции на кризис. Понимание этого механизма важно, прежде всего, потому, что по характеру самого действия, без учета структуры деятельности, в которую оно входит, невозможно прямо понять ни потребность, которая в данном случае реально удовлетворяется, ни смысл демонстративно артикулируемой цели.

Дисформативным вариантом идентичности можно считать и одну из самых влиятельных современных левых идей – «политику идентичности» – склонности людей той или иной религии, расы, социального происхождения и т. д. формировать, исходя из декларируемой специфичности, эксклюзивные политические союзы, отходящие

от традиционных форм политических объединений на основе идеологии [Identity politics web]. В начале 1960–1970-х гг. «политика идентичности» преследовала цель включения в политическую жизнь плохо представленных в ней групп или слоев населения. Популярность она приобрела с появлением таких общественных объединений, как феминистское движение, движение за гражданские права в США, движение ЛГБТ, националистические и постколониальные движения. В настоящее время «политика идентичности» может основываться на возрасте, религии, социальном классе, культуре, инвалидности, образовании, этнической принадлежности, языке, половой или гендерной идентичности, профессии, расе, сексуальной ориентации, городском и сельском жительстве, статусе ветерана и пр. [Neofotistos web]. «Проблема политики идентичности в том, что люди часто оказываются в своей идентичности замороженными... В либеральном обществе должна быть заложена возможность смены оптики, но политика идентичности сопротивляется в значительной степени самой возможности такого изменения. Нужно быть верным своему цвету кожи, гендеру и т. д. Но люди – больше чем гендер или цвет кожи, у них есть возможность меняться» [Машуков, Хачатуров web].

По своей сути такой способ идентификации – попытка компенсировать недостаточную самоидентификацию в рамках слишком общих или диффузных понятий закреплением и подчеркиванием своей отдельности и особенности. Дисформативность «политики идентичности» заключается в том, что она укрепляет частные различия, формируя своеобразное гетто в рамках символического хронотопа. Цель – достижение частного равенства – начинает подменять мотив достижения общего равенства, маскируя мотивацию достижения преференций. Дальше начинаются все проблемы любого гетто: деградация, феномен «разбитого окна», эффект «колеи» (path-dependence problem) [Marquis, Tilcsik 2013], ресентимент, из порочного круга которых сложно выбраться.

Еще одним побочным следствием пролиферации дисформативных и вырожденных форм идентификации становится раздробление мира на несвязанные фрагменты, а человеческой общности на непересекающиеся субкультуры, имеющие с культурой слабые связи. Третий мир, о котором говорил К. Поппер [Popper 1979], утрачивает целостный контекст и становится бессвязным набором артефактов, смысл которых утрачен. Отсутствие устойчивого и непротиворечивого понимания индивидом своего места в социокультурном и символическом хронотопе несет с собой утрату не только устойчивых моделей идентификации, но и потерю маяков, указывающих на направление безопасного движения и опасные места в текучей повседневности, ориентиров, связывающих фрагменты мира в некоторую осмысленную целостность, делающую возможной эффективную коммуникацию. Сама по себе пролиферация дисформативных модусов идентификации напрямую (как ответ) связана с универсализирующей глобализацией, которой по экономическим и иным причинам, видимо, не избежать, но которая по не менее фундаментальным основаниям противоречит основным психологическим механизмам идентификации. Как примирить эти пока несовместимые тренды, не совсем понятно, но, безусловно, над этим стоит поразмышлять.

Надо признать, что деградация деятельности может дойти даже до простых операций, незаметно подменяющих более сложноорганизованные цели и, тем более, мотивы. Современные субкультуры демонстрируют диапазон таких «операциональных» идентификаций.

Назовем простейший и наиболее демонстративный способ примитивной идентификации в современном обществе **индигенной идентичностью**, обретаемой даже не в рамках психической деятельности, а посредством элементарных операций со своим телом. Речь идет о стигматизировании тела путем татуирования, пирсинга, шрамирования, подкожного имплантирования и т. п. Здесь мы не говорим о сакральных или субкультурных татуировках и прокалываниях частей тела, имеющих определенный символический или мистический смысл в определенном культурно-историческом контексте. В «индигенных» моделях самоидентификации XXI в. нет ничего мистического или плохого, кроме сомнительной эстетичности и довольно очевидной бессмысленности. В самом факте стигматизирования тела, осуществляемого по желанию своего

«хозяина», нет ничего социально опасного, но и социально полезная импликация этих действий также прослеживается слабо, это относительно дешевый и не очень осмысленный способ обретения ускользающей индивидуальности. Если речь идет о подростках, то это может реализоваться в рамках протестного поведения, противопоставления себя взрослым стандартам, в случае более взрослых людей – как послание миру, правда не всегда, понятного содержания.

Вслед за чисто внешним преобразованием тела, которое было присуще и первобытным людям, приходят высокие технологии трансформации телесности. Речь идет о телесной фитнес- и медико-технологической идентичности, или **боди-модификационной идентичности**. Технологизированным вариантом модификации телесной идентичности становится фотошоп, предлагающий новую платформу для самомодификации. «Доведенная до логического конца комбинация цифровой и “реальной” пластики может привести лишь к унификации всех фотографий в социальных сетях <...> Выделиться в рамках селфи, заявить о себе как о частной персоне, как о личности – трудно» [Мартынов 2015, 26]. Все это вполне безобидно, но хорошо показывает, до какой степени имитации могут доходить попытки обрести хоть какую-то идентичность здесь и сейчас.

Следующий тип можно обозначить как **лакунарную идентичность**. Человек обретает свою подлинность в особом фрагменте символического и/или физического хронотопа, на границах периметра которого мир разделяется по принципу свой/чужой. Принадлежность к той или иной группе, будь то рокеры или феминистки, зеленые или «красно-коричневые», дает индивиду чувство принадлежности и уверенности в себе, в своих ценностях, в своем окружении. Это могут быть вполне невинные «группы по интересам»: собирателей марок, нумизматов, театроманов, участников исторических реконструкций, натурастов, свингеров, анимешников и пр. К ним же можно отнести фанатичных борцов за права всевозможных меньшинств, кем-то угнетенных или когда-то оскорбленных. Лакунарная идентичность может быть открытой или скрываемой, параллельной реальному хронотопу или замещающей его, четко отделенной или смешанной в зависимости от включенности субъекта в избранную лакуну и от отношения общества к выбранному формату лакунизации.

Хуже обстоят дела со следующим модусом лакунарной идентичности – **сектантской идентичностью**. Это уже не невинная мимикрия и не просто операциональная идентичность. В отличие от предыдущей модели самоидентификации здесь исчезает идея параллельной реальности. Мир оказывается огражденным размерами добровольно или недобровольно выбранного лагеря «избранных», «обиженных», «знающих истину», «священных жертв», «истинно верующих», «праведников». Секты разного типа и различной конфессиональной принадлежности дают своим adeptам иллюзию защиты, избранности, которой им настолько не хватает в реальной жизни, что верные последователи могут находиться даже у «бога Кузи». Как в истории с сектами «Небесные врата», «Ветвь Давидова», «Храм народов», «Храм Солнца», в подтверждение избранной идентичности могут дойти до ритуального самоубийства, или, что хуже, до террористических актов, как в случае с «Аум Синрикё».

От сектантской идентичности остается, пожалуй, один шаг до финальной и предельной дисформации – **деструктивной идентичности**, когда речь уже идет не просто о существовании секты как лакуны, а о ее праве и обязанности занять господствующее положение. Асоциальность становится антисоциальностью, когда предельным вариантом деструктивной идентичности является **терроризм**. Имеется в виду обретение идентичности путем действий, разрушающих все, что не вписывается в прокрустово ложе идеологии террориста, чтобы максимально эффективно *пометить* свою территорию. Эти действия дают ему иллюзию славы, и, даже если его имя не упоминается, он все равно может чувствовать себя тайным, но от этого не менее могущественным героем, имя которого рано или поздно войдет в историю. Это, конечно, иллюзия, но иллюзия опасная [Тхостов, Сурнов 2007]. Одним из первых террористов, добившихся славы таким способом, был Герострат, память о котором, несмотря на все старания современного ему общества предать его забвению, пережила создателя сожженного им

храма Артемиды. Славы можно добиться многими путями: стать великим художником, поэтом, ученым, политиком, но все это довольно трудоемко, утомительно, а успех совсем не гарантирован. Можно же просто купить в лавке пистолет, написать манифест и влететь в head-line news ведущих новостных каналов.

В заключение отметим, что в основе дисформативной идентичности лежат хэштеги ускользящего протеза, связанные с затруднением выбора какого-либо проекта самоидентификации, сопровождающимся ощущением неукорененности, аномии, асоциальным, антисоциальным или аутистским поведением. Но поскольку неукорененность тяжело переживается обыденным человеком, она компенсируется различного рода маргинальными, виртуальными или фантастическими формами идентификации: субкультурами, сектами, религиозным или псевдорелигиозным фундаментализмом, анархизмом, психотропными веществами, уходом в фантазирование. Даже фантазии бывают разными, некоторые из них становятся благодаря плюралистической тотальности СМИ известными на весь мир. Фантазия Брейвика обналичилась в расстреле сотни своих, почти уже вступивших в коммунистический рай, сограждан благодной Норвегии. Желание безнаказанно отрезать головы неверных радикалами ИГИЛ (запрещенная в России организация) под прицелом видеокамер также было оформлено в картинках и рамках сюжетов программ мировых новостей. Героями нашего дисформативного времени становятся инвалидизированные воины-клоуны, слабые, но далеко не такие уж невинные, как кажется с первого взгляда, особенно если в их руках бейсбольная бита или автоматическое ружье, а еще хуже – рупор пропаганды масс-медиа с дебатами на телеканалах, роликами на YouTube, высказываниями в Twitter и лайками в Instagram.

Источнику – Primary Sources in Russian Translations

Дюркгейм 1994 – *Дюркгейм Э.* Самоубийство: Социологический этюд. М.: Мысль, 1994 (Durkheim, Émile D. *Le Suicide*, Russian Translation).

Леонтьев 1981 – *Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981 (Leontiev, Aleksey N. *The Development of Mind*, Moscow State University Publ., Moscow, in Russian).

Фихте 2009 – *Фихте И.Г.* Речи к немецкой нации. СПб.: Наука, 2009 (Fichte, Johann G. *Reden an die deutsche Nation*, Russian Translation).

Фромм 2006 – *Фромм Э.* Бегство от свободы. М.: АСТ, 2006 (Fromm, Erich. *Die Furcht vor der Freiheit*, Russian Translation).

Фромм 1998 – *Фромм Э.* Мужчина и женщина. М.: АСТ, 1998 (Fromm, Erich. *Man-Woman*, Russian Translation).

Popper, Karl R. (1979) 'Epistemology Without a Knowing Subject', *Objective Knowledge. An Evolutionary Approach*, Clarendon Press, Oxford.

Ссылки – References in Russian

Бейтсон 2005 – *Бейтсон Г.* Шаги в направлении экологии разума. М.: КомКнига, 2005.

Давыдовский 2012 – *Давыдовский И.В.* Общая патология человека. М.: Книга по Требованию, 2012.

Коцюбинский web – *Коцюбинский Д.* Алейда Ассман: большое интервью «Немцам предстоит изобрести себя как нацию заново» // URL: <https://www.colta.ru/articles/literature/22582-aleyda-assman-bolshoe-intervyu>

Мартов web – *Мартов И.* Почему никто не читает Гёте? Интервью с Ириной Лагутиной // URL: <https://gorky.media/context/pochemu-nikto-ne-chitaet-gyote/>

Мартынов 2015 – *Мартынов К.* Семейный альбом для одиночки // Дети в информационном обществе. 2015. № 21. С. 20–27.

Машуков, Хачатуров web – *Машуков С., Хачатуров А.* Стив Фуллер – против того, во что вы верите. URL: <https://www.colta.ru/articles/society/22087-stiv-fuller-protiv-togo-vo-cto-vy-verite>

Пикетти 2015 – *Пикетти Т.* Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015.

Руткевич 2019 – *Руткевич А.М.* Макс Вебер об университете // Вопросы философии. 2019. № 7. С. 41–48.

Тхостов 2002 – *Тхостов А.Ш.* Психология телесности. М.: Смысл, 2002.

Тхостов, Сурнов 2007 – *Тхостов А.Ш., Сурнов К.Г.* Мотивация террориста // Национальный психологический журнал. 2007. № 1 (2). С. 27–32.

Фактор «Снижение уровня образования». URL: <http://www.briik.ru/index.php/prb?id=41>
Фукуяма веб – Фукуяма Ф. Человеческая психология куда сложнее, чем предполагает эта бесхитростная экономическая модель. URL: <https://republic.ru/posts/94346>

References

- Bateson, Gregory (2005) *Steps to an Ecology of Mind: Collected Essays in Anthropology, Psychiatry, Evolution, and Epistemology*, KomKniga, Moscow (Russian Translations).
- Davies-Netzley, Sally A. (1998) 'Women above the Glass Ceiling: Perceptions on Corporate Mobility and Strategies for Success', *Gender and Society*, Vol. 12, No. 3, pp. 231–246.
- Davydovsky, Ippolit V. (2012) *General Human Pathology*, Kniga po Trebovaniyu, Moscow (in Russian).
- Fukuyama, Francis (2019) *Human Psychology is Far More Complicated than This Unsophisticated Economic Model Suggests*, Available at: <https://republic.ru/posts/94346> (Russian Translation).
- Gibney, Paul (2006) 'The Double Bind Theory: Still Crazy-Making After All These Years', *Psychotherapy in Australia*, Vol. 12, No. 3, pp. 48–55.
- Identity politics [Oxford Living Dictionaries], Available at: https://www.lexico.com/en/definition/identity_politics
- Kotsubinsky, Daniil (2019) *Aleida Assman: the long interview 'The Germans will have to reinvent themselves as a nation'*, Available at: <https://www.colta.ru/articles/literature/22582-aleyda-assman-bolshoe-intervyu> (in Russian).
- Marquis, Christopher, Tilcsik, András (2013) 'Imprinting: Toward A Multilevel Theory', *Academy of Management Annals*, No. 7 (1), pp. 195–245.
- Martov, Ivan (2018) *Why Does Nobody Read Goethe?* Interview with Irina Lagutina. Available at: <https://gorky.media/context/pochemu-nikto-ne-chitaet-gyote/> (in Russian).
- Martynov, Kirill (2015) 'A Family Album for a Single Person', *Children in the Information Society*, No. 21, pp. 20–27 (in Russian).
- Mashukov, Sergey, Khachaturov, Arnold (2019) *Steve Fuller – Against What You Believe*, Available at: <https://www.colta.ru/articles/society/22087-stiv-fuller-protiv-togo-vo-chto-vy-verite> (in Russian).
- Neofotistos, Vasiliki. *Identity Politics*, Available at: <https://www.oxfordbibliographies.com/view/document/obo-9780199766567/obo-9780199766567-0106.xml>
- Piketty, Thomas (2015) *Le Capital au XXI siècle*, Seuil, Paris (in French).
- Piketty, Thomas (2019) *Capital et idéologie*, Seuil, Paris (in French).
- Rutkevich, Aleksey M. (2019) 'Max Weber about the University', *Voprosy Filosofii*, Vol. 7 (2019), pp. 41–48 (in Russian).
- Sartre, Jean-Paul (1943) *L'être et le néant: Essay d'ontologie phénoménologique*, Gallimard, Paris (in French).
- The Education Reduction factor*, Available at: <http://www.briik.ru/index.php/prb?id=41> (in Russian).
- Tkhostov, Aleksander Sh. (2002) *Psychology of Corporeality*, Smysl, Moscow (in Russian).
- Tkhostov, Aleksander Sh., Surnov, Konstantin G. (2007) 'The Motivation of the Terrorist', *Natsional'niy Psikhologicheskii Zhurnal*, Vol. 1 (2), pp. 27–32 (in Russian).

Сведения об авторах

ЕМЕЛИН Вадим Анатольевич – доктор философских наук, профессор кафедры психологии труда и инженерной психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

ТХОСТОВ Александр Шамилевич – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой нейро- и патопсихологии факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Author's information

EMELIN Vadim A. – DSc in Philosophy, Professor of the Department of Psychology of Work and Engineering Psychology, Lomonosov Moscow State University.

TKHOSTOV Alexander Sh. – DSc in Psychology, Professor, Head of Department of Clinical Psychology, Lomonosov Moscow State University.